Текст · 14 марта 2023, 10:34
Павел Васильев,

Театр как подполье. Режиссер Всеволод Лисовский — о месяце в Сахарово, игре в казаки-разбойники с полицией и отъезде из России

С весны 2022 года режиссера Всеволода Лисовского и труппу его проекта «Театр переходного периода» преследовала московская полиция: силовики срывали спектакли, Лисовского оштрафовали по статье о «дискредитации» армии за посты в фейсбуке, а в феврале его два раза подряд отправляли под арест в спецприемник в Сахарово — в общей сложности на месяц. После освобождения режиссер покинул Россию. «Медиазона» поговорила с Лисовским в первый день его вынужденной эмиграции.

О том, как московская полиция срывала уличные спектакли

В мае мы объявили, что делаем спектакль по различным фрагментам пьесы [Бертольда] Брехта «Страх и отчаяние Третьей империи» и собираемся играть его в подземных переходах. Пьеса посвящена периоду становления нацизма в Германии в 1930-е годы. Разные фрагменты, разные эпизоды рассказывают о разных аспектах этого процесса. Опять же, полицейский, вызванный потом в суд, говорил, что мы хотим таким образом показать, как у нас дела обстоят. На самом деле, хрен его знает. Потому что, может, как-то и рифмуется пафос. Но фактология! Если смотреть на то, о чем пишет

Брехт, и что происходит у нас, мы увидим, что это достаточно сильно различающиеся явления.

Несколько месяцев мы играли со сборной ГУВД города Москвы в казаки-разбойники. Сначала это было очень смешно и наивно. Мы приходим, допустим, туда, где собираемся играть, и видим, что нас уже поджидают. Мы идем на следующую локацию. Все девушки приезжают туда в полном восторге, потому что вслед за нами приезжают очень красивые, высокие, мужественные омоновцы.

У них, видимо, распоряжение: задержите какого-то чувака в очках, — и они задерживают 19-летнего мальчика, который мне во внуки годится. Им разъясняют, что они не правы. Они идут и задерживают меня. Вот мы приезжаем в отделение, три часа читаем «Государство» Платона друг другу и содержащимся там пьющим гражданам и бездомным. Потом нас всех пунктуально через три часа освобождают, и мы разбредаемся. Впоследствии мы приноровились: задерживают только меня, а все ребята переходят на резервную локацию и там играют. Долгое время отпускали без составления протокола, и это было отчасти даже трогательно.

Я помню, милейший майор говорил: «Ну что вы, господи, просто подайте заявление в Центр по борьбе с экстремизмом, что вы собираетесь где-то проводить [спектакли], и проблем не будет». Я почему-то не воспользовался его советом, может быть, зря.

Потом нам продемонстрировали, что могут гораздо серьезнее реагировать. Механизм был какой? Из ГУВД Москвы поступал звонок в соответствующий

райотдел, и оттуда для пресечения этого безобразия против нас использовали тот или иной ресурс.
В какой-то момент поступил, видимо, очень раздраженный звонок, и ресурсы отделения были использованы полностью — практически всех зрителей и актеров задержали. Это было в подземном переходе на проспекте Мира, между «Алексеевской» и «Рижской».

Превентивно всех повязали. Был задействован оперативный состав. Ребята свою ментовскую работу сделали хорошо. Нас в количестве 20 человек привезли, отделение даже закрыли на план «Крепость»[1]. Всех через три часа отпустили, меня продержали до четырех утра и вменили «дискредитацию армии» за два поста. Один был про то[2], что война — главный политик в России,

а Путин со своим долбоебизмом ей уже мешает,
а второй был про то[3], что мне снилась война, а

главными гондонами там были борцы за мир. Где тут дискредитация вооруженных сил, я не очень понял.

Проект «Театр переходного периода». Фото: Среда 21

На суде[4] было забавно. Судья почему-то удовлетворила требования защитника о привлечении в качестве свидетелей сотрудников полиции. Пришел майор из окружного Центра «Э», говорит: «Вот мне поступил сигнал из ГУВД, я

прибыл в участок и до четырех часов утра выискивал состав преступления в фейсбуке Лисовского».

После этого случая стало понятно, что казаки-разбойники закончились и началась эскалация. Эскалация была чревата не только для меня, но и для всех участников театра. В этой ситуации я решил, что в таком виде проект больше существовать не может.

Мы сыграли последний раз на необитаемом острове — нашли в пределах Москвы необитаемый остров и сыграли на нем спектакль. Это реально необитаемый остров на Клязьминском водохранилище, туда мы и зрители добирались на лодках. Мы все шутили: менты на вертолете прилетят или на лодках высадятся?

О российских судьях и повторном задержании на выходе из спецприемника

В суде я смотрел на человека, который получает достаточно большую зарплату. Для обеспечения его работы используются ресурсы. И, в общем, если он просто переписывает обвинительное заключение, написанное кем угодно, и утверждает его, то непонятно, зачем их так много.

Есть автоматы, которые вообще не смотрят на подсудимого. А некоторые показались визуально настолько родными — с таким сочувствием, с таким пониманием выслушивали аргументы… Были те, которые всячески демонстрировали неприязнь. Но

практической разницы между ними не было никакой. Приговоры[5] были абсолютно одинаковые.

Безусловно, я буду как-то использовать опыт моего преследования со стороны государства, но пока не берусь сказать, каким образом. Это все больше смешно. За последний год родина потратила на меня… Советский Союз на образование мое потратился, на детский сад, а от Российской Федерации я вообще никогда ничего, даже куска хлеба, не имел. И вот я посчитал, какой расход они в ментовских человеко-часах на меня сделали, и мне стыдно становится, что я должен что-то родине, а я уехал и ничего отдать не могу.

Всего было шесть судов, из них три апелляции. Сначала 10 февраля мне дали 15 суток, потом еще 15 суток — сразу после выхода из спецприемника. Оба раза якобы за неповиновение ментам.

Всеволод Лисовский в суде. Фото: Ева Лисовская

Как это было? Сижу я, жду благополучного выхода на свободу. Можно было заподозрить, что что-то не то, потому что обычно минут за десять до окончания срока выпускают, чтобы я успел получить вещи, завязать шнурки, застегнуть ремень и дойти до

ворот. А тут меня на две минуты позже окончания срока выпустили. Идем к воротам, смотрю, выпускает меня полковник, видимо, начальник спецприемника. Перехожу порог, мне звонит дочь, и тут крик: «Отключите телефон!».

Ко мне бросаются пять человек в балаклавах. Смотрю, крыльцо перегорожено со всех сторон полицейскими автомобилями. Расстегиваю куртку и лезу во внутренний карман за паспортом. Но слышу крики: «Почему вы нам не подчиняетесь, почему вы сопротивляетесь?». Я понимаю, что они снимают меня на видеорегистратор, меня подтаскивают к машине. Первая команда: «Руки на капот!». Потом крик: «Почему вы упираетесь?». Меня затаскивают, довольно жестко шмонают и везут через 300 метров в отделение полиции, где я провожу двое суток. Меня снова судят — и обратно [в Сахарово].

Об аресте в Сахарово, сокамерниках и охранниках

Распорядок дня в этом учреждении крайне праздный. Событий там несколько: завтрак, обед, ужин, проверка утренняя, изредка бывает еще вечерняя, прогулка, выдача телефонов. У нас на хате была традиция вечернего чая с бутербродами. В общем, и все. Остальное время каждый развлекается в меру собственной испорченности. Кто-то там беседует, байки травит, кто-то читает, кто-то играет в шахматы, кто-то пытается спать. Со сном у всех были проблемы, со сном плохо обычно дело обстоит. Замкнутая жизнь не способствует здоровому сну. Сидят там в разной степени, но в общем

здоровые и трудоспособные мужики. И для здорового трудоспособного мужика такой образ жизни не совсем естественен.

Дико меня возмутила — я про этот феномен не знал — такая вещь, как [административный] надзор[6]. Со мной сидел[7] человек, которому грозит лишение свободы за то, что он из, условно говоря, Выхино, где жил, доехал[8] до Видного, которое за пределами Москвы. Вот эта история меня глубоко поразила. То есть вроде бы люди освободились из мест лишения свободы, нужно помогать им адаптироваться к свободной жизни. А их гноят в этих самых спецприемниках, а потом еще до чего-то докапываются, и они идут на реальный срок.

Бывают хорошие судьи, которые за пять нарушений дают 15 суток. Бывают судьи не очень хорошие, которые за каждое нарушение дают по 15 суток. Некоторые люди сидят сотни суток. При мне сидел один парень, и срок у него был 105 суток[9], а потом его выдернули, отвезли в суд и дали два года реального срока. При том что он не какой-то хронический злодей, он чего-то там слегка употребляет — видимо, как принято в этой среде — и подбарыживает среди своих. Такое зажевывание людей системой — это жутко.

Были смешные случаи. Сидел парень, россиянин из Якутии, и он не очень хорошо говорит по-русски. Работает в Москве курьером. Его сотрудники полиции остановили, а он сказал, что занят, что на работе. Абсолютно безобидный, добродушный, вдумчивый парень, кстати, абсолютный чемпион

нашей хаты по шахматам. Провел неделю за решеткой. В общем, по-моему, он так и не понял, что с ним случилось. Это достаточно анекдотично.

При том что условия содержания — они напоминают скорее не тюрьму, а какой-то пионерлагерь. Охрана спокойная и любезная, но когда ее дергают лишний раз без повода, она начинает раздражаться. А так в принципе вполне приемлемые отношения — без грубости, без хамства, безо всякого насилия.

Камеры большие, просторные. Высокий потолок, большая кубатура. Сахарово — это новые такие, отделанные сайдингом палаты. Палата на десять человек, но десяти ни разу не было, максимум восемь. Все было тихо и спокойно, тут в каком-то смысле интересы заключенных и охраны совпадают. Кормят пионерлагерской едой, она не очень вкусная, но вполне съедобная, и ее более-менее достаточно. По воскресеньям включают душ, в раковине горячая вода есть всегда.

А так даже трогательные моменты бывают. Когда приходит передача, они [охранники] просят: «Ну, положи что-то на общак, а то в какой-нибудь хате закончится табак, мы передадим». Это меня скорее растрогало. Такая забота, чтобы всем хватало курева. Главный страх, что не хватит курева. Это самый ценный ресурс.

О решении уехать и работе в эмиграции

Пока сидел двое суток в отделении [после первого освобождения из спецприемника], я достаточно много думал и пришел к выводу, что, наверное, мне в

моей стране больше не получится работать. И что я представляю определенную уже проблему для людей, которые меня окружают. Собственно говоря, так я и принял решение: как выйду, покину пределы своей родины.

Было у меня две версии. Первая, что меня тупо менты кошмарят. Второй вариант — это возможное уголовное дело. До прошлой пятницы я был в некотором напряжении, и когда гремела дверь, я слегка напрягался. Я не откидывал возможность того, что меня вытащат на какие-то следственные действия.

Это такая невербальная коммуникация. Как-то я сказал на суде, что я воспринимаю то, что происходит, как форму общения — видимо, таким образом какая-то неустановленная группа лиц намекает, что мне лучше уезжать. Хочу передать этой группе лиц, что я все понял. Чем быстрее отпустите, тем быстрее я уеду. Хотя еще 16 дней назад моя позиция была принципиально оставаться в России.

Чтение Брехта в трамвае. Фото: Настя Полякова

Если бы моя деятельность сводилась к тому, что я глубокой ночью, закутавшись от подбородка до затылка, расклеивал бы антиправительственные листовки, то мне бы стоило оставаться. Но моя деятельность предполагает, что я беспокоюсь за благополучие людей, с которыми сталкиваюсь по

работе, по своим делам, потому что это довольно много людей. Без этих условий невозможно работать.

В России у меня осталось довольно много нереализованных проектов. Мне надо отоспаться, подумать и начинать выстраивать какие-то модели работы — и здесь, и там, и везде. Очевидно, не может быть и речи о прекращении деятельности [театра]. Но надо очень крепко думать о формах. Для меня сейчас, в конечном счете, одним из важнейших критериев эффективности работы является безопасность участников. Тем более сейчас, когда я уехал, провоцировать людей оставшихся на что-то небезопасное для них не очень этично.

О том, что происходит с российским театром во время войны

Театр — это конгломерат очень разных людей с очень разными мотивациями, он существовал при всех войнах. Понятно, что театр — та линия его эволюции последних 30 лет, которую можно было наблюдать в России, — заглохнет. В последнее десятилетие это была попытка сделать мичуринское скрещивание русского государственного репертуарного театра с современным искусством. Такая достаточно бодрая и еретическая мысль, но и этот процесс шел не сказать чтобы без сучка и задоринки. Теперь эта проблема снята.

Спектакль «Молчание на заданную тему». Фото: театр post

Опять же, хороший театр подразумевает все что угодно. Какие-то спектакли про мудрость Путина, про «зловещие украинские планы», про подвиг народа могут быть чисто технически хорошие, вполне себе хорошие. Слеза будет наворачиваться.

Я не уверен, что Путин ночью не спит и думает, что бы такое сделать с экспериментальным театром. Но какие-то сектора российской власти хотят приравнять экспериментальный театр к подпольной деятельности.

С одной стороны, любой кризис, в том числе в сфере художественной деятельности, чреват внутренними, экзистенциальными кризисами. Но приятная новость в том, что экзистенциальный кризис — это источник и залог эффективного творчества, если это словосочетание употребимо. Экзистенциальный кризис конкретного художника потенциально создает возможности. Кто захочет, ими воспользуется, кто не захочет — это вопрос индивидуального выбора. Разъехались художники — это беда. А с другой стороны, может, оно и к лучшему.

Редактор: Дмитрий Ткачев

---

1. Вводится при угрозе вооруженного нападения или захвата отдела.
2. Дословно: «Самым влиятельным политиком в РФ становится война именно она и выгонит Путина ибо он начинает ей мешать своим долбоебизмом?».
3. Дословно: «Снилось что шароеблю по территориям охваченным войной и терзаемым стихийными бедствиями самые главные гандоны там были борцы за мир?».
4. Мосгорсуд в итоге оштрафовал Лисовского на 50 тысяч рублей.

5. Имеются в виду решения по административным делам.

6. Изначально устанавливался за вышедшими на свободу рецидивистами и осужденными за тяжкие преступления. Постепенно список статей, подразумевающих надзор полиции после освобождения, расширялся — полностью он приведен в статье 173.1 УИК.

7. Скорее всего, по статье 19.24 КоАП: несоблюдение ограничений и невыполнение обязанностей, устанавливаемых при административном надзоре. Она предполагает до 15 суток ареста.

8. Согласно статье 4 «Закона об административном надзоре», пределы территории, за которую поднадзорному запрещено выезжать, устанавливает суд. Скорее всего, человеку, о котором рассказывает Лисовский, было запрещено покидать Москву.

9. Срок административного ареста не может превышать 30 суток. Таким образом, человека, о котором рассказывает Лисовский, суд отправлял под арест как минимум четыре раза подряд.